

Валерий
Брюсов

МОЙ ПУШКИН

СТАТЬИ

УДК 82-95
ББК 83.3(2Рос=Рус)
Б89

Брюсов, В.

Б89 Мой Пушкин / В. Брюсов. — М. : T8RUGRAM, 2018. — 282 с.

Валерий Яковлевич Брюсов (1873–1924) — русский поэт Серебряного века, писатель, публицист, один из основоположников русского символизма.

«Мой Пушкин» (1929) — удивительный сборник статей Брюсова, посвящённых творчеству Александра Сергеевича Пушкина. Поэзия классика настолько сильно вдохновляла Валерия Брюсова на протяжении всей его жизни, что он посвятил Пушкину 82 работы, ознакомиться с которыми читатель сможет в данной книге.

УДК 82-95
ББК 83.3(2Рос=Рус)
ВІС FС
BISAC FIC000000

МОЙ ПУШКИН
СТАТЬИ

ПУШКИН В КРЫМУ

Правительство, переводя коллежского секретаря А.С. Пушкина по службе из Петербурга в канцелярию генерала Инзова, хотело, конечно, наказать сочинителя «возмутительных» стихов, «наводнившего» ими всю Россию. Однако этот перевод скорее оказал Пушкину неожиданную услугу, так как вырвал его из мутного омута петербургской жизни, дал ему увидеть новые местности и новую природу, оживил его фантазию, сблизил его с благородным семейством Раевских. Лето, проведенное на Кавказе и в Крыму, сам Пушкин относит к числу «счастливейших» дней своей жизни.

Чтобы полно охарактеризовать жизнь Пушкина в ту эпоху, необходимо разобрать его отношения к отдельным членам семьи Раевских, определить влияние на него Байрона, с которым он тогда ближе ознакомился, выяснить, насколько отразились на его творчестве новые впечатления. Такая задача осуществима только в ряде очерков и до известной степени выполнена подбором статей данного тома. Автор же настоящей заметки ограничивает свою работу гораздо более узкими рамками, желая только проследить путешествие Пушкина по Тавриде, установить, так сказать, его подробный «дорожник», «итинерарий».

На Кавказе, на минеральных водах, Пушкин и Раевские (отец — генерал, два сына — Николай и Александр и две дочери — Софья и Мария) прожили немногим больше

месяца¹. По окончании курса лечения решено было всем, кроме Александра Раевского, ехать в Крым, в Юрзуф, где уже находились — жена генерала, Софья Алексеевна, и две его других дочери, Екатерина и Елена. Пушкин должен был мечтать об этом путешествии с восторгом; позднее он признавался, что в те дни ему казались нужны

*Пустыни, волн края жемчужны,
И моря шум, и груды скал...*

Как уже знают читатели из предыдущих статей, некоторые сведения о переезде Раевских от Пятигорска до Феодосии дают «Путевые записки» Г. Геракова², смешного, написанного стилем XVIII века, дневника старого литератора, гордившегося тем, что он знал Державина и что Денис Давыдов написал к нему шесть стихов. Гераков тем летом, сопровождая одного из своих учеников, совершал путешествие «по многим российским губерниям» и случайно выехал из Пятигорска в Крым одновременно с Раевскими. В течение десяти дней он, как неотвязчивая тень, бежит перед ними, везде на несколько часов предупреждая приезд Пушкина.

¹ Сам Пушкин считает (в письме к брату 1820 г.) «два месяца», но это неверно: из Екатеринослава он выехал в самых последних числах мая, а из Пятигорска — 5 августа.

² «Путевые записки по многим российским губерниям», 1820, статского советника Гавриила Геракова. Петроград, 1828. «Продолжение путевых записок» etc. Петроград, 1830 г. Гавр. Вас. Гераков (родился 1775, умер 1838), кроме этой книги, выпустил еще ряд патриотических сочинений: «Герои русские за 400 лет» (1801), «Чувство верноподданного» (1807), «Твердость духа россиян» (1813) и др.

2 августа Гераков еще видел Раевских в Пятигорске. Под этим числом и занесена отмеченная уже в статье г. Вейденбаума забавная запись в дневнике Геракова: «Тут увидел я Пуш(ки)на, молодого, который готов с похвальной стороны обратить на себя внимание общее; точно он может при дарованиях своих; я ему от души желаю всякого блага; он слушал и колкую правду, но смиряся; и эта перемена делает ему честь». Несколькими строками далее опять упоминается имя Пушкина: «Час времени с Мариным¹ и Пушкиным языком почесали и разошлись».

Вероятно, Гераков произвел на Пушкина самое неблагоприятное впечатление. По крайней мере, нигде далее в своих «записках» Гераков, который еще не раз встречался с Раевскими, не упоминает о других беседах с Пушкиным.

Может быть, говоря о «колкой правде», которую будто бы смиренно выслушивал Пушкин, Гераков разумел свои собственные речи. Пушкин, разумеется, не обратил никакого внимания на мелочные нападки «старозаветного» литератора, над которым давно перестали даже смеяться, и это-то пренебрежение и показалось Геракову «смирением».

Гераков выехал из Пятигорска 5 августа, в два часа дня. Судя по тому, что Раевские приезжали на почтовые станции постоянно после него через несколько часов, надо предположить, что они выехали в тот же день, к вечеру. Маршрут Геракова был: Георгиевск, Ставро-

¹ Аполлон Марин, полковник, участник Бородинского боя, бывший ученик Геракова, с которым он случайно встретился в Пятигорске.

поль, Прочный-Окоп, Темизбек, Кавказская крепость, Карантинный редут, Екатеринодар, Темрюк, Тамань. Вероятно, таков же был и путь Раевских, по крайней мере, Гераков трижды видел их по пути: 8-го в Темизбеке, 9-го в Кавказской крепости, 14-го в Тамани. Дорога заняла восемь дней, так как Гераков был в Тамани уже ночью 12-го.

Все эти дни, от 5 до 12 августа, стояла жара, и путешественники страдали от зноя.

В Тамань Раевские приехали, кажется, на день позже Геракова, утром 13-го. «Тамань — самый скверный городишко из всех приморских городов России», — писал несколько лет спустя Лермонтов. В 1820 году это было жалкое селение, куча деревянных лачуг, с 200 жителями, полунищих, полуразбойников. Гераков остановился в собственно городе, а Раевские — в крепости Фанагории, у ее коменданта, грека по происхождению, Каламара.

Погода к концу путешествия несколько ухудшилась, и сильный ветер не позволял пуститься в море. Это заставило Раевских, как и Геракова, прожить в Тамани более двух суток. Под 14 августа у Геракова записано: «Генерал Н.Н. Раевский был у нас». Потом, отдавая визит, Гераков со своим спутником ездили на дрожках к Раевским в крепость. «Пили чай, — записал Гераков, — с его дочерьми и англичанкою, доброю Матень». Пушкин за этим чаем, как видно, не присутствовал.

В письме Пушкина к брату (1820 г.) о Тамани сказано всего несколько слов: «С полуострова Таманя, древнего Тмутараканского княжества, открылись мне берега Крыма». Действительно, из Тамани видны Керчь и Еникале.

15 августа явилась, наконец, возможность плыть через пролив. Гераков выехал в 9 часов утра на канонерской лодке и добрался до Керчи только к 5 часам, хотя обычно этот переезд совершался тогда часа в 2 с половиною. «Раевский после нас приехал», — записал Гераков. Следовательно, Раевские и Пушкин совершали переправу на другом судне. «Из Азии переехали мы в Европу на корабле», — выразился об этой переправе Пушкин.

Восточный берег Крыма не интересен: берега плоские, илистые, возвышенности в глубине страны незначительные, растительность скудная. Пушкин признается брату (письмо 1820 г.), что, подъезжая к Керчи, он думал так: «Здесь увижу я развалины Митридатова гроба, здесь увижу я следы Пантикапеи». Прибыв в Керчь, он «тотчас» поспешил к «Митридатовой гробнице», даже счел нужным сорвать там цветок «для памяти»; потом не преминул, как турист, совершить паломничество на Золотой холм. Но очень скоро ему пришлось убедиться, что «напрасно чувство возбуждал» он.

В двух письмах Пушкин говорит о своих впечатлениях от Керчи и в обоих описывает свое разочарование. В письме к брату (1820 г.) он пишет: «На ближней горе, посреди кладбища, увидел я груду камней, утесов, грубо высеченных, заметил несколько ступеней, дело рук человеческих. Гроб ли это, древнее ли основание башни — не знаю. За несколько верст остановились мы на Золотом холме. Ряды камней, ров, почти сравнявшийся с землею, — вот все, что осталось от города Пантикапеи».

В письме к Дельвигу (1824 г.), сравнивая свои впечатления с впечатлениями А. Муравьева-Апостола, который

тем же летом 1820 года тоже путешествовал по Крыму, Пушкин выражается еще определеннее: «Я тотчас отправился на так называемую Митридаатову гробницу (развалины какой-то башни), там сорвал цветок для памяти и на другой день потерял без всякого сожаления. Развалины Пантикапеи не сильнее подействовали на мое воображение. Я видел следы улиц, полузаросший ров, кирпичи — и только».

В черновом наброске этого письма¹ Пушкин добавлял еще: «Воображение мое спало; хоть бы одно чувство, нет!»

Впрочем, и Муравьев-Апостол, хотя Пушкин и поражается «различием их впечатлений», не очень восхищался Керчью и особенно остатками Митридатовых времен. «Здесь остались, — пишет он², — развалины огромных цоколей, может быть, служивших портиком царских чертогов. Одному из них присваивается имя Кресел Митридатовых безо всякой другой причины, кроме той, что непременно хотелось найти здесь какой-нибудь памятник знаменитейшего из царей Воспорских».

Зато Гераков, конечно, был в восхищении. «Мы всходили, — пишет он, — на гору и видели то место, где, как говорят, Митридат, понтийский государь, сживал. Я сел на сии большие кресла, красиво иссеченные из дикого камня, и окинул взором вокруг себя. Прелестная, величественная картина!»

¹ Соч. Пушкина, изд. Академии наук. Переписка под ред. В. Саитова, СПб., 1906.

² А. Муравьев-Апостол, «Путешествие по Тавриде. В 1820 году», СПб., 1823. Это — собрание писем, в общем загроможденных quasi-научными изысканиями.